

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Л. Пантелеев ДВЕ ЛЯГУШКИ

Жили-были две лягушки. Были они подруги и жили в одной канаве. Но только одна из них была настоящая лесная лягушка — храбрая, сильная, весёлая, а другая была ни то ни сё: трусиха была, лентяйка, соня. Про неё даже говорили, будто она не в лесу, а где-то в городском парке родилась.

Но всё-таки они жили вместе, эти лягушки.

И вот однажды ночью пошли они погулять.

Идут себе по лесной дороге и вдруг видят — стоит дом. А около дома погреб. И из этого погреба очень вкусно пахнет: плесенью пахнет, сыростью, мохом, грибами. А это как раз то самое, что лягушки любят.

Вот забрались они поскорей в погреб, стали там бегать и прыгать. Прыгали, прыгали и нечаянно свалились в горшок со сметаной.

И стали тонуть.

А тонуть им, конечно, не хочется.

Тогда они стали барахтаться, стали плавать. Но у этого глиняного горшка были очень высокие скользкие стенки. И лягушкам оттуда никак не выбраться. Та лягушка, что была лентяйкой, поплавала немножко, побултыхалась и думает: «Всё равно мне отсюда не вылезти. Что ж я буду напрасно барахтаться? Только нервы даром трепать. Уж лучше я сразу утону».

Подумала она так, перестала барахтаться — и утонула.

А вторая лягушка — та была не такая. Та думает: «Нет, братцы, утонуть я всегда успею. Это от меня не уйдёт. А лучше я ещё побарахтаюсь, ещё поплаваю. Кто его знает, может быть, у меня что-нибудь и выйdet».

Но только — нет, ничего не выходит. Как ни плавай — далеко не уплывёшь. Горшок узенький, стенки скользкие — не вылезти лягушке из сметаны.

Но всё-таки она не сдаётся, не унывает.

«Ничего, — думает, — пока силы есть, буду барахтаться. Я ведь ещё живая — значит, надо жить. А там — что будет».

И вот — из последних сил борется наша храбрая лягушка со своей лягушачьей смертью. Уж вот она и сознание стала терять. Уж вот захлебнулась. Уж вот её ко дну тянет. А она и тут не сдаётся. Знай себе лапками работает. Дры-

гает лапками и думает: «Нет! Не сдамся! Шалишь, лягушачья смерть...»

И вдруг — что такое? Вдруг чувствует наша лягушка, что под ногами у неё уже не сметана, а что-то твёрдое, что-то такое крепкое, надёжное, вроде земли. Удивилась лягушка, посмотрела и видит: никакой сметаны в горшке уже нет, а стоит она на комке масла.

«Что такое? — думает лягушка. — Откуда здесь взялось масло?»

Удивилась она, а потом догадалась: ведь это она сама лапками своими из жидкой сметаны твёрдое масло сбила.

«Ну вот, — думает лягушка, — значит, я хорошо сделала, что сразу не утонула».

Подумала она так, выпрыгнула из горшка, отдохнула и поскакала к себе домой — в лес.

А вторая лягушка осталась лежать в горшке.

И никогда уж она, голубушка, больше не видела белого света, и никогда не прыгала, и никогда не квакала.

Ну что ж. Если говорить правду, так сама ты, лягушка, и виновата. Не падай духом! Не умирай раньше смерти...

Э. Успенский
Из книги «Как правильно любить собак»
РИЗЕНЫ

Следующие собаки, которых я заводил, были ризены — ризеншнауцеры. Жили они у меня подолгу за городом, и как-то все эти собаки слились в одну. Все мои ризеншнауцеры просто близнецы. Все они чрезвычайно веселы, дружелюбны: поприветствовать тебя грязными лапами — это первое дело. Причём, если ты хочешь наказать собаку, треснув её по башке, и не мечтай. У неё реакция лучше, чем у самого лучшего боксёра. Будешь лупить воздух.

Сейчас у меня живёт ризеншнауцер Арсела. Утро. Я выхожу в халате на крыльцо. Откуда-то вылетает Арсела и радостно с силой толкает меня грязными лапами в грудь.

— Ты что? А ну, сидеть!

Что ж, можно присесть на секунду, но зато при этом поскрести тебя грязной лапой.

Если бы так она радовала только меня, это бы ничего. Но она грязными лапами так же радуется и жене Элеонору, и помощницу Зину, и тещу Эмму Фёдоровну. Просто хоть не выходи из дома во двор.

Когда мимо нашего прозрачного забора проходит какой-нибудь жулик или просто какой-нибудь случайный сосед, Арсела разбегается и с радостным рёвом бросается на забор.

Сосед или жулик в испуге прыгает в сторону на два метра. Ах, если бы они знали, для чего она так к ним стремится! А она стремится поприветствовать их своими грязными лапищами, а при случае ещё ткнуть в нос своей ПОСТОЯННО МОКРОЙ МОРДОЙ, если они попададут в обморок.

И все, особенно Эмма Фёдоровна, говорят мне, что собака запущена, невоспитанна, ничего не умеет делать, потому что с ней не работают.

Ну что ж, займусь делом.

И вот уже два дня я учу собаку команде «сидеть», и ещё я учу Арселу ходить по следу. Я не знаю точных правил дрессировки, и некогда мне нанимать дрессировщика, я учу её по здравому смыслу.

Мне помогает мой сын Владик.

Поступаем мы так. Я натираю себе сапоги дешёвой колбасой (это для нас она дешёвая, для Арселы — лучший вид торта) и ухожу в поле.

Арсела рвётся за мной. Но Влад, намотав поводок на штакетину, удерживает собаку. Я ухожу всё дальше и

дальше. Арсела начинает скулить, а потом и выть. Со всей улицы приходят люди и пытаются выяснить, кто и за что мучает собаку.

Я захожу в лес, делаю большой крюк и выхожу на ту тропинку, по которой побежит Арсела, когда помчится по колбасному следу. И звоню Владу по сотовому телефону — ВПЕРЁД!

И Влад, цепляясь за поводок, бежит вместе с Арселой.

Я сижу в засаде и вижу — бежит Арсела. Сзади большими двухметровыми прыжками несётся Влад. Ему мешает густая трава у леса, и он уже не прыгает — он едет на прицепе.

Вот Арсела остановилась, каким-то образом вылезла из ошейника и вольно понеслась чёрной стрелой. Через пятнадцать секунд она настигнет меня и будет облизывать и толкать грязными лапами в грудь.

Пятнадцать секунд, сто пятнадцать секунд — никакой Арселы. Только где-то вдалеке слышится её мощный лай. Но чу! Вот слышно сильное собачье дыхание, слышен стук лап... И на меня вылетает Джим. Есть у нас такая запасная собака — помесь дворняжки с пойнтером. Он радостно скачет вокруг меня и немедленно начинает совать нос в пакет, в котором лежит наградная колбаса для Арселы.

Джим — это отдельный разговор. Его не надо ничему учить, он всё знает сам. Знает, как открыть калитку на улицу, повернув вертушку, как прошмыгнуть в гостиную и

спрятаться за шторами. Мне кажется, он умеет ездить на лифте и пользоваться ключами. Но о нём подробнее расскажет моя жена Элеонора. Это её собака.

Я вернусь к Арселе. Что же с ней случилось? Она встретила медведя? Она нашла ежа? Она устала и легла отдохнуть? Нет, она нашла Эмму Фёдоровну, которую любит больше всякой колбасы. Эмма Фёдоровна собирала грибы на двух соседних гектарах.

Но вернёмся к ризенам, как к породе.

Им нужнее простор. Они тогда бегают, прыгают и превращаются в одну сплошную мышцу. Они готовы возить сани с детьми, таскать хозяев лыжников. Один мой знакомый, владелец кобеля ризеншнауцера, часто ездил зимой к себе на дачу. От станции пять километров по хорошей снежной дороге его без особых усилий тащил пёс. Так же он добирался обратно до электрички.

Деревенские соседи все приставали к нему:

— Продай собаку. Продай собаку.

Он и сам давно подумывал отдать пса в хорошие руки. Очень трудно стало с большими собаками в городе.

— А зачем? — спросил он.

— Будем на станцию за квасом ездить.

Разумеется, они до сих пор ходят за квасом пешком.

М. Пришвин
КАК ПОССОРИЛИСЬ
КОШКА С СОБАКОЙ

Был вот тоже такой день, как сейчас. В марте месяце свет обнял всю Москву, и у нас на полу в комнате тоже вот такое светлое горячее пятно.

Принесли к нам щенка спаниеля величиной со среднюю крысу.

Домна Ивановна, кошка наша, на шкафу стала готовиться к прыжку. Ей, конечно, было немного непонятно: крыса настоящая, но люди около неё, и как будто от этого тоже и не крыса.

А мы посадили щенка на пол и стали думать, как бы его назвать: сидит и сидит на месте, неуклюжий такой...

— Давайте Мишкой назовём, — сказала жена. — Мишка, давай походим!

Погладили его, и он встал на четыре ноги, наметился и прямо-прямо пошёл. Домна Ивановна вся собралась на прыжке и повела глазом за ним.

— Смотри это у меня! — погрозил я ей.

— Смотри за кошкой, — сказала жена, — как бы она не того!

— Ни его, ни того, — ответил я, — не знаешь ты спаниелей.

А Мишка дошёл до светлого пятна на полу, осветил себе головёнку, и в тепле остановился, и никуда не хотел больше идти.

Чтобы развлечь его, я принёс из кухни кость и положил ему под нос. Мишка нос свой отвёл от кости и ещё удобнее замер в тепле.

А Домна Ивановна, увидев кость, сообразила: «Какая же это крыса!» И, заметив, что Мишка отвёл нос от кости, прыгнула со шкафа на пол и стала тихонько подбираться, чтобы стащить ненужную щенку кость. Она отчасти была и права: согласно собачьим и кошачьим законам, у них если есть собственность, то надо её беречь, а если отвернулся — значит, и право на неё потерял.

Но Мишка не от собственности отвернулся: он хорошо помнил про кость. Он отвернулся к этому чудесному свету мартовского солнца над Москвой. Может быть, Мишка был тоже немного по-своему поэтом и горячий луч солнца на носу ему был дороже, чем вкусная кость.

И, значит же, твёрдо держал он в душе свои права на кость, если в тот самый момент, когда Домна Ивановна подобралась к кости, он ринулся на неё с такой силой, с таким рёвом, что успел ещё нетвёрдыми и неострыми зубами вырвать клочок шерсти из хвоста. Домна Ивановна неслась от него из комнаты в комнату, перепрыгивая стулья, кресла,

диваны, и в конце концов забралась на высокий шкаф и оттуда рычала, а Мишка внизу лаял, высоко подняв кверху голову.

Наверно, с этого и началась когда-нибудь жизнь кошки с собакой: кошка убегает, собака догоняет. Тоже когда-нибудь вышел спор из-за собственности, и тоже так часто бывает, что мы, люди, у них это останавливаем. Те-

перь Домна Ивановна и Мишка в дружбе живут и, когда холодно, спят, прижавшись друг к другу, на одном коврикe.

ЁЖ

Раз я шёл по берегу нашего ручья и под кустом заметил ежа. Он тоже заметил меня, свернулся и затукал: тук-тук-тук. Очень похоже было, как если бы вдали шёл автомобиль. Я прикоснулся к нему кончиком сапога — он страшно фыркнул и поддал своими иголками в сапог.

— А, ты так со мной! — сказал я и кончиком сапога спихнул его в ручей.

Мгновенно ёж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки. Я взял палочку, скатил ею ежа в свою шляпу и понёс домой.

Мышей у меня было много, я слышал — ёжик их ловит, и решил: пусть он живёт у меня и ловит мышей.

